

Чирикова А. Е. – окончила психологический факультет МГУ, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН, Москва. Основные области исследования: региональные элиты, гендерный анализ лидерства в бизнесе и политике, социальная политика. Интервью состоялось в 2009-2010 годах.

Я не знаком лично с Аллой Евгеньевной Чириковой и на начало нашей беседы знал о ней лишь то, что она работала в Институте социологии РАН и была одним из ведущих российских специалистов в новой для страны области социологических исследований – региональная элита. Если бы после завершения интервью меня попросили кратко описать ее психологический портрет, я бы сказал: «Обязательность, ответственность и женственность».

Возможно, кто-то скажет, что еще не пришло время для анализа жизненных траекторий представителей этого поколения и сделанного ими в отечественной социологии. Я так не считаю. Во-первых, стаж работы в социологии каждого из них – четверть века или более, и есть все основания для обсуждения сделанного ими. Сегодня уже невозможно говорить о состоянии российской социологии и – тем более – о перспективах ее движения, не рассматривая вклад в нее ученых этой группы. Во-вторых, в рамках развиваемого мною поколенческого подхода к истории российской социологии эта профессионально-возрастная общность интересна и особенностями вхождения в социологию, и тематикой, разрабатываемой ею, и своим пониманием прошлого-настоящего нашей науки.

**А.Е. Чирикова:
«МОЙ ПРОФЕС-
СИОНАЛЬНЫЙ
ВЫБОР БЫЛ
ПРАВИЛЬНЫМ»***

Алла, частые разъезды в сентябре и октябре, это дело – случая или нечто характерное для Вас?

Несмотря на то, что в последние 10–12 лет мне приходилось выполнять весьма различные исследовательские проекты, я стараюсь планировать свой рабочий график таким образом, чтобы отдыхать в сентябре, а ездить по регионам в октябре-ноябре, а затем продолжать поездки в апреле-июне. Июль и август любого года я посвящаю финальной обработке полученных материалов и написанию монографий, статей или аналитических отчетов. Кроме того, в октябре, я, как правило, размышляю над замыслами проектов, разрабатываю инструментарий исследования, чтобы мои исследования, которые ведутся на региональном уровне, были бы как можно более тщатель-

* Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 1. С. 2–13.

но подготовлены и реализованы. Октябрь и ноябрь – время старта многих эмпирических исследований, которые я проводила последние 10 лет. Зимние месяцы, как правило, уходят на обработку и оформление эмпирических данных, но, как правило, над самыми сложными проектами и финальными отчетами я работаю именно в летние месяцы. Люблю отдыхать в сентябре, иногда захватывая неделю октября, потому что это самое лучшее время для отдыха на море и для путешествий по разным странам, которых я очень жду. Моя работа требует большой внутренней дисциплины, поэтому при любых внешних соблазнах, я пытаюсь придерживаться выработанного за эти годы графика работы, меняя его только при неумолимом стечении обстоятельств. 2009 исследовательский год отличается от предыдущих годов тем, что осенний исследовательский цикл остается для меня под вопросом, так как пока не ясны возможности финансирования будущего проекта. Не исключено, что к данному проекту будут добавлены еще два проекта, но их будущее пока проглядывается нечетко.

Вы работаете одна или с группой сотрудников? Одной легче выдерживать такой (любой) график, но с группой можно больше сделать?

В зависимости от проекта я могу работать одна или подобрать группу сотрудников. Как правило, это даже не группа, а один человек – мой бессменный соавтор во многих региональных исследованиях Наталья Лапина. Иногда я вхожу в проект как исполнитель, если речь идет о проектах, связанных с социальной политикой. Эти проекты, как правило, инициируются Независимым институтом социальной политики (НИСП). В последний год – Государственным университетом Высшей школой экономики (ГУ-ВШЭ). Смена институций связана с тем, что я работаю не с организациями, а с конкретным руководителем Сергеем Шишкиным. Вот уже год как он ушел из НИСПА и работает сейчас проректором по науке ГУ-ВШЭ. Но есть проекты, которые я выполняла в НИСПе самостоятельно, например, такое исследование как «Взаимодействие власти и бизнеса в ходе реализации социальной политики» [1] или проект «Институты здравоохранения и поведенческие стратегии среднего класса по поддержанию своего здоровья». В проекте по взаимодействию власти и бизнеса, как и во многих других региональных проектах, организовать интервью мне помогают региональные менеджеры. Так что мое одиночество в проекте можно назвать весьма относительным. Честно говоря, я не стремлюсь ускорить проект за счет привлечения «новых сил». Ведение интервью с властными субъектами высшего уровня

требуют особой квалификации. Я, проведя около 700 интервью, хорошо знаю, как это трудно, какие разные результаты могут получаться, в зависимости от квалификации интервьюера. Поэтому в этом деле мне легче надеяться только на себя. Или на своего проверенного соавтора. Это совсем не простое дело – разговаривать с людьми так, чтобы им хотелось рассказать тебе то, что происходит на самом деле в структурах власти или бизнеса. Мне в этом помогают интуиция, знание психологии и опыт участия в деловых играх, но несмотря на это, и у меня не все и не всегда получается. В последний год у меня появилась аспирантка, которую я хочу научить вести интервью. Года через два ее вполне можно будет взять в свою проектную группу, но пока ей надо учиться.

Между какими главными темами и проектами сейчас распределено Ваше время и внимание?

За прошедшие годы у меня сложилась достаточно разно-сторонняя сфера исследовательских интересов. Несмотря на то, что они различны по своей направленности, объединяет их одно – исследовательский метод. На протяжении последних 15 лет я веду свои исследования с помощью техники глубоких интервью, что во многом предопределяет сферу моих исследовательских интересов. Первая и основная тема моих многочисленных исследований – региональные элиты России. В этом году я могу гордиться тем, что написала учебное пособие, которое так и называется «Региональные элиты России», которое планируется распространить по ведущим университетам страны.

Также в этом году мною в соавторстве с Наталией Лапиной был закончен проект под названием «Женщина на высших этажах власти: региональная проекция». Сейчас я занимаюсь презентацией этого проекта среди научного сообщества и среди российских СМИ, включая телевидение. В ноябре я буду сниматься в передаче о женщинах в политике, где в качестве эксперта, опираясь на данные исследования, постараюсь развеять ходячие мифы об особенностях женского менеджмента в бизнесе и политике.

Третий проект, который был реализован мною совместно с экономистами из ГУ- ВШЭ в этом году, – это проект по оценке последствий национального проекта «Здоровье», его влияние на выбор пациентами учреждений здравоохранения, который было решено проанализировать на примере такого инструмента, как родовой сертификат.

В фокусе исследования в данном проекте – как рядовые врачи, так и руководители медицинских учреждений, руководи-

тели отрасли здравоохранения в регионах. Именно их оценки, в сравнении с друг другом, позволяют понять, как меняется процесс выбора пациентами в динамике, от каких мотивов он зависит, как это видится врачам и руководителям медучреждений. Результаты анализа находятся в стадии обобщения, но уже сейчас понятно, что население демонстрирует консервативные стратегии выбора медицинского учреждения, а врачи практически не заинтересованы в том, чтобы перестраивать эти стратегии в пользу пациентов.

Это о реализованных или заканчивающихся в этом году проектах. Помимо этого, в настоящее время я обдумываю проект под условным названием «Региональная власть в России: стратегии выхода из кризиса». Получит ли этот проект поддержку, будет ясно в январе-феврале 2010 года, но уже сегодня я пытаюсь обобщить имеющиеся у меня исследовательские материалы, чтобы начать исследовательское движение, имея в запасе продуманные научные гипотезы.

Несмотря на различие исследовательских тем, над которыми я работала в этом году, не могу сказать, что какая-то из них мне была интереснее других. Возможность анализировать, что происходит с институтами власти, бизнеса или здравоохранения в России, позволяют мне сохранить целостный взгляд на происходящее в стране через оценки тех фигур, которые не только являются реальными участниками этого процесса, но и нередко управляют его ходом.

Впереди 2010 год, достаточно трудный для научного сообщества, но я буду рада, если мне удастся провести весь цикл планируемых исследований и ознакомить заинтересованный круг лиц с независимой оценкой кризисных явлений в России.

Не могли бы Вы описать подробнее, что такое региональная элита, какого уровня элиту Вы изучаете...

Это трудный вопрос, относительно определения того, кто же является элитой в регионах. Я не сторонник меритократического, и тем более, нормативного подхода к элите, который в последние годы все больше набирает себе сторонников среди российских ученых. Я убеждена, что элита – это не самые лучшие, или те, которые должны ими стать, чтобы быть отнесенными к элите. Для меня элита – это те фигуры во власти или бизнесе, которые принимают или проводят ключевые решения во власти и бизнесе в своих регионах. Моими респондентами из этой группы лиц, как правило, являются (что зависит от темы исследования): губернаторы, вице-губернаторы, председатели правительств, их заместители, руководители ведущих департаментов, мэры и вице-мэры городов, председатели законода-

тельных собраний, их заместители, руководители комитетов и др. В бизнесе – это президенты компаний, собственники, руководители ассоциаций бизнеса и др.

Мне показалось несколько необычным Ваше замечание о том, что техника глубинных интервью, а не проблемы возникновения и функционирования региональной элиты, предопределяет сферу ваших исследовательских интересов. Не могли бы Вы пояснить этот момент?

Может быть, я не совсем точно выразилась, но у меня действительно нет ограничений на тему исследования, если ее можно изучать с помощью техники интервью. Например, я могу разговаривать с властными акторами о протестных настроениях, о моделях власти, о политических режимах. Мне интересна сама эта группа, ее ценности, установки, стратегии политического поведения, а какая собственно тема будет основной в том или ином проекте, мне не так важно. Например, именно этим можно объяснить тот факт, что я вполне успешно смогла перейти на социальную тематику, и произошло это только потому, что я умею с ними разговаривать, мы любим вместе думать, они уважают меня, а я уважительно отношусь к высказанным ими точкам зрения. Залогом успеха интервью с властными и иными статусными фигурами является характер пристройки к респонденту в процессе диалога: такая пристройка не может быть «снизу» или «сверху», она должна быть пристройкой «равных профессионалов». Только в этом случае респондент не будет долго морочить Вам голову и рассказывать сказки о своих намерениях и своей работе во власти или бизнесе.

Читая множество интервью, я замечаю, что в ответах интервьюеру-женщине мужчины, особенно успешные и/или считающие себя успешными, немного теряют чувство меры и «подают» себя лишь с самых лучших сторон. Чувствуете ли Вы это?

Во время своих интервью я всегда пытаюсь вести себя не как женщина, а как профессионал. Любое кокетство, на мой взгляд, может привести к искажению информации. Я в состоянии отреагировать на комплимент или повышенное внимание, но всеми возможными, в том числе неформальными средствами, пытаюсь убедить собеседника, что не этот пласт отношений меня сейчас интересует. Отказ от любого вида заигрывания «встряхивает» респондента, а по мере развития беседы он начинает понимать, что беседовать со мной на разные темы гораздо интереснее, нежели делать комплименты и раздувать «павлиний хвост». Нередко я пытаюсь поставить мужчину в

конкурентную ситуацию, когда он должен догнать или обогнать меня в масштабе обобщения ситуации во время диалога. Порой это бывает непросто, а кокетство, как известно, требует другого драйва. Одновременно я согласна с тем, что с женщиной мужчине комфортнее разговаривать. Мужчина может позволить себе больше эмоциональных реакций в беседах с ней. Мужской код общения весьма часто не приветствует эмоциональности. Именно поэтому в диалоге с женщиной мужчина бывает более открыт. Я знаю один весьма надежный способ снижения контроля в процессе коммуникации – это неподдельный интерес к собеседнику. Он действует в отношении и мужчин, и женщин. Поэтому половые различия, на мой взгляд, здесь не главные.

Вы отметили существование «ходячих» мифов об особенностях женского менеджмента в бизнесе и политике, нельзя ли это положение чуток развить?

Это долгий разговор, но если коротко, то общественное мнение, да и сами эксперты, нередко убеждены, что женщины не могут успешно конкурировать с мужчинами в бизнесе и политике, потому что и та, и другая сфера требуют агрессивного менеджмента, который женщинам не под силу. Поэтому их удел – малый бизнес и средние позиции во властной иерархии. Могу сказать, что результаты исследований, в том числе моих, убедительно показывают, что «мягкость» женского менеджмента во многом переоценивается. Женщины далеко не мягкие лидеры, и способны иногда принимать не менее, а иногда даже более жесткие решения, чем мужчины. Мягкость или жесткость лидерского поведения не определяется полом. Более того, эффективный менеджер должен обладать двойным репертуаром управленческих технологий: и мужскими, и женскими. Если их профиль будет сугубо мужским или сугубо женским, то такой руководитель долго не удерживается в бизнесе. В институтах власти и бизнеса уже сегодня идет активная переоценка сложившихся мифов. Видимо именно поэтому многие респонденты из власти, с которыми я беседовала, убеждены, что у женщин хорошие шансы занять высокие должностные позиции во власти в перспективе, хотя это и не может произойти завтра. Барьером на этом пути выступают не позиции мужчин-руководителей, а установки самих женщин, которые предпочитают видеть в роли руководителя чаще мужчину, нежели женщину.

Я сейчас закончил интервью с Еленой Здравомысловой [2] и спрашивал ее, как она пришла к феминистической тематике. Хочу спросить и Вас...

Я не являюсь убежденной феминисткой. Более того, отношусь к этому течению в социологии весьма настороженно. Пришла я к женской теме лидерства случайно. Изучая в середине 90-х годов лидеров российского предпринимательства и посещая их фирмы, я обратила внимание на то, что в должности вице-президентов, у них нередко работают женщины. Это были успешные фирмы. Я подумала, не является ли такой альянс залогом успеха в бизнесе? Так возникло исследование «Женщина во главе фирмы», которое подтвердило, что не обязательно мужское лидерство обеспечивает успех бизнеса. Более того, сочетание «мужского и женского начала» в руководстве дает наилучшие результаты в деле. Через некоторое время я исследовала не только представительниц частного бизнеса, но и руководителей государственных предприятий, которые в середине-конце 90-х годов оказались в достаточно сложном положении. И вновь исследование подтвердило тот факт, что женщины как антикризисные менеджеры справляются с реализацией стратегий выхода предприятий из кризиса ничуть не хуже, а иногда лучше мужчин. Несколько лет спустя, в 2008 году, я обратилась к изучению женщин на высших постах региональной власти и убедилась в том, что их карьерный рост определяется не только их деловыми качествами, но и «волей первого лица». Важно, что мотивация женщин к достижению первых позиций во властной команде не высока, так как они убеждены, что для функций губернатора им *«не хватит энергии и воли»*.

Насколько часто за успехами женщины в политике или бизнесе стоит ее муж, ее бывший муж, близкий ей мужчина? Встречаются ли обратные ситуации?

В моих исследованиях я с таким типом женщин не сталкивалась. Основными действующими лицами моих исследований являлись женщины, которые «сделали себя сами». Однако я не буду отрицать, что в России, особенно в середине 90-х годов, было много бизнесов, которыми лишь формально руководили женщины, но за их спинами были мужья или партнеры, которые не хотели выходить «на первую линию борьбы». Сейчас «эра серого бизнеса» постепенно заканчивается. Да и женщины, со временем, все менее соглашаются быть ширмой в бизнесе. Здесь важно другое, – даже в том случае, если мужчина не вкладывает своих материальных ресурсов в ведение женского бизнеса, все равно наиболее успешными бизнесменами и политиками становятся те женщины, которых психологически, а иногда административно, поддерживают их мужья или близкие друзья. Семья и близкий круг – весьма важный

институт достижения успеха в бизнесе или политике. Тезис о том, что успешные женщины обязательно жертвуют своей семьей или личной жизнью для достижения карьерных высот не подтверждается данными исследований. Успешная женщина, как правило, успешна во всем. Но есть и исключения из этого утверждения. Я убеждена в одном – все зависит от модели отношений в семье. Если семья построена по эгалитарному типу, то успехи женщины в бизнесе или политике такой семье не угрожают. К сожалению я не вела исследований, и не знаю, как достижение карьерных высот женщиной влияет на карьеру мужчины, но могу сказать, что полностью согласна с Сергеем Рощиным, который убедительно показал в своих исследованиях, что женщины чаще делают успешную карьеру, если их мужья занимают руководящие должности.

В чем сходство и в чем различие результатов европейских и американских исследований женщины в политике и бизнесе и российских?

Я не могу отвечать за все зарубежные исследования. Но могу сослаться на результаты нашего недавно реализованного проекта совместно с Натальей Лапиной: «Женщина на высших этажах власти: российские практики и французский опыт». Анализ научной литературы по «женской» проблематике в России и Франции, если их сравнивать между собой, позволяет говорить о том, что траектории исследований в обеих странах во многом совпадают, хотя в каждой из них есть своя специфика. Прежде всего, российские исследования, как правило, опущены в недалекое историческое прошлое, в то время как французы подходят к историческому контексту проблемы весьма уважительно, и их исторический масштаб исследования женской темы гораздо шире. Не менее характерным для России является стремление вскрыть «формальные показатели» женщин во власти, не выходя при этом за границы количественного подхода. Во Франции несколько больше работ, ориентированных на описание микропрактик попадания женщин во власть или бизнес, что позволяет оценивать ситуацию во Франции не с позиций «нормативного» подхода – как это должно быть, а с позиций того, «как это есть на самом деле». Вообще интерес французов к микропрактикам (М. Озуф, Ф. Эритье, Ж. Фресс и др) позволяет снизить дефицит рефлексии относительно того, как чувствует себя женщина, достигшая определенных высот во власти и бизнесе. В России таких работ пока явно недостаточно, но думаю, что со временем этот дефицит будет изжит. Что касается американских исследований, то основная их масса пытается выяснить, требует ли женское ли-

дерство «копирования мужских ролей» или женщина может позволить себе оставаться женщиной, и не идти с покорностью за мужскими технологиями лидерования. Вообще Америка, на мой взгляд, опережает все другие страны в своем интересе к специфике женского лидерства. Не менее распространенной в Америке, на мой взгляд, является тема «стеклянного потолка», дискриминации женщин в бизнесе и политике. В России эти темы также весьма популярны, хотя тех исследовательниц, которые намерены доказать, что женщины вынуждены копировать мужчин при руководстве фирмами, вынужденно становясь тем самым немного мужчинами, я не встречала.

Как вообще выглядит сегодня в России феминистическая социология?

К сожалению, я не могу ответить исчерпывающе на этот вопрос. Я знакомлюсь с работами в этой области лишь время от времени, когда делаю тот или иной проект. В целом мне кажется, что российские феминистки в науке излишне агрессивны и хотят убедить всех, что женщины недооценивают. Я убеждена, что подобный путь доказательства равных возможностей женщин и мужчин является тупиковым. Требуется не убеждать, а вести конкретные исследования, изучать практики реального лидерства, чтобы показать: устойчивые мифы о женских ограничениях менеджмента или любой другой деятельности не имеют под собой ни социальных, ни психологических оснований. Можно долго кричать о необходимости равенства, но если сами женщины пока не признают право женщин на лидерство, это о многом говорит. Пока в России не так много высококлассных исследователей женской темы, но Елена Здравомыслова, Анна Темкина, Светлана Айвазова, Ольга Воронина, Надежда Шведова и др, безусловно являются авторитетными и профессиональными исследователями, чьи взгляды я искренне уважаю.

Пожалуйста, расскажите о Вашей родительской семье, откуда Вы, где прошло Ваше детство, где кончали школу?

Родилась я в Хабаровске. Мой папа был военным, которого послали служить на Дальний Восток из Москвы. Там он встретил маму, которая приехала в Хабаровск из Харбина. Папе долго не давали встречаться с мамой и жениться на ней, потому что она была неблагонадежной эмигранткой. Но папа пожертвовал своей военной карьерой и вернулся в Москву. Удалось это только потому, что мой дед со стороны отца, будучи руководителем крупного предприятия, включил все свои связи, чтобы вытащить сына из опасной ситуации. Я осталась в Хабаровске с бабушкой. В семь лет я также переехала в

Москву, это был 1958 год, и пошла учиться в одну из московских школ. Мои родители, которых сегодня нет со мной, были довольно далеки от той сферы деятельности, которую я себе выбрала как будущую профессию еще в 8-ом классе. Они не мешали мне, и никогда не уговаривали заняться чем-то более материальным. Я до сих пор благодарна им за то, что они всегда уважали мой выбор. Я была убеждена с 14 лет, что буду психологом. Я училась в обычной московской школе, мои родители были обычными интеллигентами. Папа, после того как закончилась его военная карьера, выучился на художника и занимался в очень закрытом институте выставками новой военной техники, а мама работала переводчиком в гостинице. Наша семья всегда помнила, что деда моего как шпиона расстреляли в 1930 году. До последних дней своей жизни мама так и не смогла адаптироваться сначала к советской, а потом и к российской жизни. Я жила в мире воспоминаний мамы о тех необыкновенных интеллигентах, которые окружали ее в эмиграции, и всегда гордилась тем, что она была причастна к таким необыкновенным, образованным и патриотичным людям, составлявшим харбинскую эмиграцию.

Харбинская русская община – я знаю это по моему калифорнийскому опыту – формировалась долго. Когда семья Вашей матери оказалась в Китае? Ваш дедушка был военным? Когда, и в силу каких причин, они вернулись на Родину?

Я не могу назвать точно год, когда мои бабушка и дедушка, по маминой линии, переехали в Маньчжурию, которая была частью Северного Китая, прилегающей к КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога). Харбин на много лет стал для моих родственников городом, где разворачивались важные жизненные события. Харбин в те годы представлял собой быстро развивающийся город, с высоким экономическим и культурным потенциалом, где была сконцентрирована российская эмиграция. Дальневосточная русская диаспора не была подвержена ассимиляции к коренным населением страны, что дало ей возможность не только сохранить уклад и традиции русской культуры, но и развить в отрыве от России ее ценности. Мои бабушка и дедушка были забайкальскими казаками, причем весьма зажиточными. Фамилия деда была Дутов. Отец бабушки Дмитрий Аникин был атаманом и выбрал для нее в мужья богатого казака. Видимо после революции было решено сохранить огромные отары овец и лошадей от разорения, и семья бабушки, а также некоторые ее братья, переехали в Харбин. Остальные братья, в том числе отец бабушки, Дмитрий Аникин, эмигрировали на корабле в Австралию. По

рассказам бабушки это были 1918–1919 годы. Возможно, что это произошло чуть позже. В 1922 году родилась мама. Петр Дутов, отец мамы, мой дед занимал какие-то немалые позиции в казачьем движении, но одновременно числился торговцем пушнины, что позволяло ему беспрепятственно двигаться из Харбина в Забайкалье и обратно. Когда деда арестовали в 1929 году, а потом расстреляли в 1930, бабушка была беременна четвертым ребенком, который впоследствии умер. Бабушка всю свою жизнь надеялась, что ее муж жив, поэтому не уезжала из Харбина вплоть до 1954 года. Мама эмигрировала в Советский Союз в 1948 году, потому что хотела любой ценой попасть на родину. Патриотические настроения в те годы были очень распространены среди харбинской молодежи. Вслед за ней в Россию перебрался ее 18-летний брат, которого немедленно арестовали и долго пытали, требуя признания в шпионаже. Маму спасла только ее красота. В 1954 году бабушка вместе с маминей сестрой приехали из Харбина в Хабаровск, потому что родилась я. Мне требовался «уход и глаз», и бабушка стала таким «глазом» для меня на всю жизнь. Не исключено, что это совпало со смертью Сталина. Мои родственники посчитали, что их переезд не обязательно повлечет за собой их немедленный арест, как это случилось с моим дядей. Так и произошло. В Советском Союзе их никто в 1954 году не преследовал. Но в любом случае – такой шаг потребовал от них определенного мужества. Все лучшее во мне от бабушки, – она была сильной женщиной, которая никогда не падала духом и была способна на риск ради своих близких.

Неужели в тех обстоятельствах красота могла спасти женщину? Что Вы имеете в виду? Что стало с братом Вашей мамы?

Как гласит семейная легенда, один из следователей, который вел дело мамы, не пошел на жесткие меры, а ограничился тем, что лишил ее паспорта и возможности найти официальную работу. Мотивом его поступка было – нежелание *«губить такую красоту»*. Я не исключаю, что за этим стояли и какие-то иные мотивы, но я никогда не решалась расспрашивать маму, что там было на самом деле. Я не исключаю, что у нее был покровитель на высших этажах этой организации, что обеспечило ей достаточно лояльный выход из сложившейся ситуации. Ее друзья говорили мне о серьезной любви мамы к какому-то большому начальнику, но я никогда не пыталась узнать подробности этой щепетильной ситуации. Мама же была достаточно закрытой женщиной и никогда инициативно об этом периоде жизни ничего не рассказывала. Мой дядя просидел в лагерях несколько лет, и после смерти Сталина в

1954 году был выпущен на свободу, определен на поселение в Иркутск, где и живет до сих пор. Сейчас ему 82 года. Он очень не любит коммунистов и говорит, что они искорежили ему всю жизнь, в чем он, безусловно, прав.

Да, так оно и было... извините, Алла, что попросил Вас говорить на эту очень личностную тему... Столь раннее формирование профессиональных интересов не уникальное явление, но редкое. Что же могло их определить? Откуда вдруг интерес к предмету, который в школе не изучается?

Я с ранних школьных лет увлекалась биологией, читала разные взрослые книги и удивляла всех своим интересом к этому предмету. В подростковые годы я ходила во дворец пионеров в кружок, где увлекалась гидропоникой (выращиванием овощей в воде), делала гербарии и композиции из засушенных цветов и др. В седьмом классе летом я решила пойти работать в Ботанический сад. Там меня по знакомству устроили в лабораторию ядов и вирусов. Несмотря на то, что я только мыла колбы и поливала растения, зараженные раком, я гордилась собой и своей работой. Сотрудники хвалили меня и говорили о том, что у меня «зеленые руки» – растения, которые должны были умереть от порции ядов, все же выживали. Я раздувалась от важности и радовалась, что могу помочь науке и этим интересным людям в белых халатах. До сих пор атмосфера исследовательской лаборатории вызывает во мне внутренний трепет. В 8-ом классе я прочла книгу К. Платонова «Занимательная психология» и была потрясена, насколько это интересный мир. Мое решение было бесповоротным – только психология. Я взялась за психологические книги, поступила в школу «Юного медика» при медицинском институте, в класс профессора Косицкого, известного физиолога, чтобы на деле понять, как работает человеческий организм. Эти занятия мне очень помогли впоследствии, когда мы учили биологию, анатомию ЦНС и физиологию человека.

Уже теплее... было трудно поступить в те годы на факультет психологии в ведущий университет, а потом учиться там?

Я была в 1968 году десятиклассницей с запутанной биографией. Но не только это осложняло мой путь к мечте. В то время на факультете психологии учились, прежде всего, дети психологов. Родители-психологи создали элитный факультет только в 1966 году с маленьким приемом, чтобы учить там своих детей. У меня не было выдающихся способностей, я абсолютно не знала математики, которая была профильным экзаменом. Мои

шансы на поступление были мизерными. Но у меня были два преимущества перед другими – я страстно любила биологию, и очень хотела стать психологом. С 8-го класса я читала научные психологические работы, которые простой человек просто не смог бы понять. Но я с бешеным упорством двигалась вперед в познании научных трудов, просиживая в ленинской библиотеке в школьном зале все дни, за исключением тех, когда мне надо было идти на занятия по физиологии. Иногда каждое предложение, или даже слово, написанное в статье, мне приходилось расшифровывать с помощью словарей, это было нудно и трудно, – вскрыть смыслы, которые зашифрованы научным языком, но я не отступала. Мне очень хотелось знать, что может, а чего не может психологическая наука понять в человеке. Мое любопытство в результате победило. К 10 классу я вполне сносно разбиралась в психологических исследованиях, чем поразила комиссию, когда проходила собеседование. Получив тройку по математике, я весьма приуныла, но меня спасла биология. На экзамене я смогла обогнать многих абитуриентов «показав зрелый подход к анализу биологических процессов», и получила заслуженную пятерку. Таких абитуриентов оказалось всего трое. Это предопределило мой дальнейший профессиональный путь. В университете я училась легко. Мне нравилось в учебе все, кроме одного предмета, – математики. За время обучения я не получила ни одной четверки, и лишь по математике у меня была тройка. Несмотря на это, сразу после окончания университета, я была рекомендована в дневную аспирантуру, которую благополучно закончила. Меньше чем через год после окончания аспирантуры кандидатская диссертация по психологии была защищена. Несмотря на то, что впоследствии я стала заниматься социальной психологией, и вполне успешно вписалась в социологическое сообщество, я до сих пор благодарна судьбе, которая меня привела на факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова и дала возможность учиться у блестящей плеяды профессоров – А. Леонтьева, А. Лурии, Б. Зейгарник, Б. Эльконина, В. Давыдова, В. Зинченко, М. Мамардашвили и др.

Что вам читал Мераб Константинович Мамардашвили? Что в его лекциях было атрактивным?

Я, к сожалению, сейчас не могу вспомнить как именно назывался его курс лекций, но по нашему студенческому убеждению – он учил нас мыслить диалектически. Я помню его трубку, задумывающуюся фигуру в большой Зоологической аудитории и часто повторяющееся выражение: « Я мыслю, следовательно я существую », которую он всегда произносил на

латыни, несколько раз за лекцию. От него мы узнали о Декарте и Спинозе. Но основной вывод, который был сделан многими на основании его лекций: нельзя анализировать учение того или иного философа, вне контекста времени и культуры, в которых этот философ работал. Осознавать надо не конкретные постулаты, а те смыслы, которые лежат в них, в контексте того времени, когда они были написаны. Этот вывод из его лекций стал для меня определяющим. В жизни я много раз убеждалась в правоте этого постулата. Именно поэтому я редко реагирую на то или иное высказывание в диалоге, а всегда стараюсь понять, какой смысл та или иная речевая конструкция имеет для самого говорящего.

В какой области психологии Вы специализировались в студенческие годы? По какому направлению защищали кандидатскую диссертацию?

Все годы моего студенчества я пыталась разобраться в психологии личности. Я выбрала кафедру общей психологии для своей специализации, мой пятерки позволяли мне это сделать, что давало широкий спектр возможностей для обдумывания своих интересов. Понимая, что личность и ее психология, – это самое интересное исследовательское поле, которое только может быть, на третьем курсе я вдруг осознала – ключ к пониманию личности лежит в ее эмоциях. Сначала я выполнила теоретическую работу по эмоциям, а потом решила перейти к экспериментам. На 4 курсе, в дни зимних каникул, мне пришла в голову интересная мысль, – можно ли узнать, не расспрашивая человека, что он пережил сильные эмоции в отношении других людей, как эти пережитые эмоции могут отразиться на построении зрительного образа того человека, с которым связан аффект или сильная эмоция? Так возникла методика зрительных представлений, которая затем легла в основу моего диплома, а потом и кандидатской диссертации под названием «Влияние эмоций на актуализацию образов представлений». Это была довольно сложная диагностическая методика, для доказательства приемлемости которой я даже использовала эксперименты с гипнозом. Со мной работал профессиональный гипнотизер, благодаря которому я поняла, что бессознательное у личности, это не фрейдовские изыскания, а реальный психический феномен. В основе разработанной методики лежал принцип замера скорости возникновения зрительных образов как аффективных, так и нейтральных лиц. Проведенные мною эксперименты показали – скорость возникновения образа аффективно-значимого лица отличается от скорости актуализации нейтрального лица в сторону уменьше-

ния или увеличения. Это давало возможность диагностировать отношение к другому человеку, не спрашивая его самого о характере прошлых или существующих отношений. Мой научный руководитель – Алексей Николаевич Леонтьев, не очень разделял мой энтузиазм, но был сражен моей вовлеченностью в работу и допустил меня к защите. В 1978 году я защитила кандидатскую диссертацию.

Из сказанного следует, что социальной психологией Вы стали заниматься уже после защиты диссертации. Дело случая или итог каких-то целенаправленных поисков, действий?

Закончив аспирантуру, я очень хотела вдохнуть настоящей жизни. Мои попытки устроиться работать в психологическую лабораторию не увенчались успехом. Тогда я решила – можно заниматься не только академической психологией, но реальной жизнью. В то время мой мир состоял из хороших и плохих девочек и мальчиков с факультета психологии. Мне очень хотелось его расширить, раз уж не получалось остаться в нем навсегда. Совершенно случайно я устроилась на работу в Институт экономических проблем города Москвы, который был подведомственной структурой Моссовету. Там была группа социологов, и меня взяли туда на работу, чтобы я изучала социально-психологический климат на предприятиях. С помощью анкет. Это было интересное время, постепенно я пришла к осознанию того, что психология без социального контекста не работает, и училась понимать закономерности человеческого поведения не только отдельного субъекта, но и групп людей. Однако в любом случае – это были скучные годы. В 1987 году я перешла, вслед за своим начальником социологом-экономистом Сергеем Железко, на работу в Институт социологии РАН, где ему удалось открыть сектор инноваций. Под инновациями имелись ввиду деловые игры на личностный рост. Была сформирована команда из блестящих выпускников университета разных направлений, которая занималась тем, что ломала психологические стереотипы у управленцев высшего и среднего звена. С блестящей командой я участвовала в 30 деловых играх, и с тех пор убеждена, – всякие проблемы имеют свое решение. Именно игры убедили меня в том, что только знание психологии не помогает понять человеческое поведение. Требуется сформировать более широкий взгляд на человека, чтобы разобраться в его внутренних состояниях. Но все же существует одна сфера психических процессов, которую никто не может понять лучше психолога – это сфера человеческой мотивации, в том числе неосознаваемой.

Вы меня заинтриговали: что это за мир «хороших и плохих девочек и мальчиков с факультета психологии»?

Все очень просто, и интриги здесь нет. Факультет психологии в те годы настолько затягивал в себя студентов, что их социальный мир как бы ограничивался только психологами, в том числе преподавателями и профессорами. Это было настолько интересное пространство, что в нем влюблялись, учились, росли, разочаровывались, ненавидели... Внешний мир интересовал большинство студентов-психологов гораздо меньше, чем мир внутренний, который они познавали в лучшем случае через серию экспериментов в психологических лабораториях. Но даже к лабораторным экспериментам чаще всего привлекались сами студенты, которые могли тем самым немного заработать. Даже я, которая всегда отличалась удивительным любопытством, оказалась замкнутой в этом мире, и совсем не собиралась из него выбираться. Так в нем было хорошо. И мне потребовалось достаточно большое количество внутренних сил, чтобы адаптироваться в «другом мире», где действовали иные ценности», а тебя оценивали совсем по другим критериям, чем на факультете психологии.

Во многом самодостаточно не только сообщество студентов-психологов: будущие художники учатся и часто ночуют в мастерских, актеры учатся и затем до ночи репетируют, физики – лишь на ночь покидают лаборатории... с другой стороны, Вы учились в МГУ в первой половине 70-х, Вы что избежали общественную работу в комсомоле, летние стройки, чтение самиздата? Это же часть студенческой жизни?

Из студенческой жизни тех лет я помню только выезд на картошку всем курсом. Это было весело и интересно, мы сдружились, спелись, и др. Никакой общественной работой я не занималась. Это не было обязательным императивом. Кто хотел – мог быть комсоргом или старостой, но никакого давления на нас, с целью насильственного втягивания в общественную работу, я не замечала. Сокурсники из общезжития больше старались заявить о себе через общественную работу, а «москвичи» особенно не проявлялись. Культ любви к психологии, поддерживаемый профессорами, был настолько велик, что те, кто показывал успехи в овладении психологией, негласно освобождались от общественных мероприятий. А.Н. Леонтьев, на всякие приказы из ректората «усилить, улучшить», всегда отвечал, пожимая плечами: «Но это все-таки Московский университет, как я могу их заставлять»? Он был лауреатом Ленинской премии и ему

многое прощалось. Что касается летнего времяпрепровождения, то я, чаще всего, проводила его в летних психологических школах. Была такая замечательная форма обучения студентов ведущими профессорами в летне-осеннее время в спортивных лагерях Пицунды или Джемете. Она предполагала приезд профессора на совместный отдых со студентами, которые специально отбирались со всех курсов. Так я отдыхала и слушала лекции на берегу моря А.Н. Леонтьева, В.П. Зинченко, Ю.Б. Гипенрейтер, М. К. Мамардашвили, Г.М. Андреевой. Л.А. Петровской и др.

Появление в этом перечне Галины Михайловны Андреевой позволяет мне спросить Вас, не читала ли она Вам основы или какие-либо разделы социологии?

Социология как предмет нам не преподавалась. У меня такое ощущение, что и сегодня ее нет на психологическом факультете. Однако социальная психология читалась. Социальная психология, как курс, получила «новое дыхание» на факультете с появлением у нас Галины Михайловны Андреевой, вскоре даже была создана кафедра социальной психологии, однако сам этот предмет я слушала не в ее исполнении. Галина Михайловна появилась на факультете по инициативе А.Н. Леонтьева, когда курс по социальной психологии нам был уже прочитан профессором Вадимом Борисовичем Ольшанским. Он был замечательный лектор, страстный и эмоциональный. С интересом рассказывал нам Шибутани, а мы смотрели на него заворожено, так как он отличался от наших профессоров каким-то особым артистизмом, который собирал на его лекции огромное число не только студентов со всех курсов, но и его поклонников. Несмотря на то, что все наши профессора были мастерами воздействия на юные студенческие души, он превосходил в этом даже их. Позже нам сказали, что он жил с одним легким, поэтому для него чтение лекций в университете было не просто работой, а служением тому делу, которому он посвятил себя.

Кроме Ольшанского, нам читал лекции по сексуальности Игорь Семенович Кон, который был столь блестящим лектором, что держал в напряжении большую аудиторию на психфаке на протяжении почти двух часов без всяких усилий. По крайней мере нам так казалось. Но сказать, что лекции этих блестящих профессоров каким-то особым образом развернули меня к социальной психологии все же нельзя. Это произошло уже позже, когда я работала в Институте Москвы, после окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации.

«Процесс Синявского и Даниэля», «Пражская весна» – во многом определили черты Вашего поколения, жившего в Москве, Ленинграде, ряде крупных городов страны. Это как-то отразилось в умонастроении студентов-психологов?

Обсуждение самиздата и вообще обсуждение того, что тогда происходило в стране, по крайней мере, в моем окружении, не было принято. Мой папа приносил со своего закрытого института многие самиздатовские издания, в том числе Зиновьева, Синявского, Набокова, Пастернака, Зощенко, я это все читала, но задуматься о том, что это значит для меня и для страны, я не могла или не хотела. Мы жили нашими локальными интересами. Во то время я была влюблена, и вся моя внутренняя энергия была направлена на эту любовь. И на моих друзей. Психология и любовь меня интересовали больше, чем все остальное. Правда, когда я поступала в аспирантуру, меня укорили тем, что я не член партии. Однако я твердо знала – быть членом партии я не хочу ни при каких обстоятельствах. Откуда выросло это убеждение, я не знаю, но при любых вопросах подобного свойства я всегда делала вид, что не понимаю, о чем идет речь. Как стало ясно теперь, интуиция меня не подвела, и я очень рада этому обстоятельству.

Ваша команда «игротехников» работала в рамках методологии Щедровицкого или у Вас было нечто свое? Если можно прокомментировать примерами Ваше утверждение: «всякие проблемы имеют свое решение». Если отвлечься от того, что считать решением, то это – тривиально. Скорее всего, Вы имеете в виду нечто большее.

Наша команда никогда не работала в методологии Г.П. Щедровицкого. Более того, мне как новому члену команды, да еще женщине с психологическим образованием (это считалось серьезным ограничением для игротехнической деятельности в силу того, что психологи чаще других склонны к «невидимой манипуляции» людьми, а женщины просто не в «состоянии держать удар») было категорически запрещено участвовать в подобных играх. Запрет исходил из опасности, что участник команды может набраться «чуждых технологий», что может усложнить работу команды. Я ни разу не участвовала в играх Щедровицкого, но убеждена, наша команда не пыталась разбить стереотипы начальников любой ценой, а действовала хоть и жестко, но с пониманием того, что человека надо уважать. Эти игры назывались играми на личностный рост. В конце восьмидесятых годов, в застойное советское время спрос на такие игры со стороны управленцев был достаточно высок. Мы формировали у участников игры рефлексивную дистанцию, стремление к действию, а не к называнию перечня барьеров,

почему этого нельзя сделать. Кроме того, мы снижали в сознании человека значимость завоеванных статусов, демонстрируя в игре равенство требований ко всем, ставили в игре жесткие барьеры на стереотипные размышления и действия, формируя у игроков убежденность в том, что во многом от их действий зависит то, какой результат будет достигнут. Мы много сил тратили на то, чтобы не просто выявить перечень проблем, а произвести их «субъективацию», то есть показать человеку те проблемы, на которые он может влиять «здесь и сейчас». Затем в игровом поле мы предлагали их «снять» в игровом режиме, благодаря чему человек выходил из игры с новым представлением о своих возможностях и ограничениях. Несмотря на то, что игры были нацелены на игроков и их проблемы, каждый игротехник как бы сам переживал внутри себя этот процесс. Поэтому участие в игре развивало не только игроков, но и игротехников. И было трудным для обеих сторон. В команде существовало незыблемое правило – нет глупых или бестолковых игроков – есть плохие игротехники, которые не смогли найти нужного ключа к человеку. Ни один игровой сценарий не мог быть повторен вновь, потому что каждый раз были новые игроки, которые требовали своих подходов. Поэтому, когда я говорю, что нет непреодолимых проблем, это не просто риторическое утверждение, а несколько раз повторенный внутренний опыт, согласно которому, если ты действуешь адекватно, с учетом реальных ресурсов, если ты не боишься действовать «вне привычных схем», то решение проблемы обязательно будет найдено. Все зависит от того, как ты позиционируешь себя по отношению к этой проблеме. Безусловно, я не питаю иллюзий, что проблемы, к примеру со здоровьем, можно полностью решить с помощью «личностного ресурса», но я убеждена, что в профессии есть много вопросов, которые можно снять, используя свои внутренние возможности.

Мне хотелось бы еще задержаться на этой теме, хочу лучше понять специфику деятельности Вашей команды. Одновременно с вами работали в игротехнике коллективы Т. Дридзе, В. Дудченко. Их методологии были иными? Тогда была очень высока потребность в таких играх?

Я была хорошо знакома и с Тамарой Моисеевной и со Славой Дудченко. Слава в начале своей игровой деятельности иногда приходил на заседания нашей команды, и даже принимал один раз участие в наших играх. Будучи вдохновенным человеком, искренне преданным тому, что делал, он действительно стал прародителем в России инновационного направления в игротехнике. Его игры были направлены на инновацион-

ный прорыв, а наша сфера интереса была несколько шире. Нас интересовало личностное развитие в целом. Тамара Моисеевна была ориентирована, прежде всего, на формирование коммуникативных навыков в игре, что также в снятом виде присутствовало и в играх нашей команды, но и инновации, и коммуникации были для нас «побочным продуктом». Мы существовали и с Дудченко, и с Дридзе, взаимно уважая друг друга, но старались не заходить в «игровое пространство» друг друга. Конец 80-х – начало 90-х годов считается временем конца застоя и начала перестройки, именно поэтому спрос на такие игры тогда был довольно высоким. Руководители предприятий и госчиновники понимали, что надо что-то делать, но не знали как, не верили в свои возможности, не могли переломить сформировавшуюся привычку брежневского времени – «не высовываться». В складывающейся ситуации согласие пойти на жесткую рефлексию того, «а что собственно я могу сделать сам», требовало определенного мужества и свидетельствовало о том, что несмотря ни на что время застоя постепенно заканчивается.

Сколько лет Вы отдали деловым играм? Предпринимали ли Вы в те годы попытки вернуться полностью в психологию? Что произошло потом, почему Вы сменили направление своей исследовательской деятельности?

Наш сектор был образован в 1987 году. В него входили члены команды, которой руководил С. Н. Железко. Как единая команда, мы играли вместе чуть более 4-х лет. В 1991 году Железко С.Н. не сработавшись с командой, ушел из заведующих сектором, и команда фактически распалась. Из всех членов команды работать в институте социологии осталась только я. Остальные, или уехали за границу, или ушли работать в бизнес. Я не представляла себя вне науки. Хотя многие руководители фирм, прошедших через наши игры, в том числе известных, приглашали меня работать психологом-консультантом к себе. Но это не отвечало моим представлениям о работе. Хотя могло обеспечить безбедное существование в 90-е годы. Я осталась в науке, но жить тогда на зарплату научного сотрудника было трудно. У меня был 5-летний сын и полное непонимание того, смогу ли я вписаться в социологию. Я рискнула остаться в институте социологии. Перейдя работать в сектор Л.В. Бабаевой (она сейчас в Америке), я начала в 1994 году серию исследований по лидерам российского предпринимательства с использованием метода глубинного интервью. К тому времени я хорошо владела этим методом. Мне не приходилось делать предигровую диагностику для команды,

которая строилась на оценке ситуации ключевыми фигурами предприятия или компании. Я отвечала за это направление в работе команды и пыталась делать это максимально хорошо. Самое трудное в диагностике было не столько собрать мнения основных фигур, но сделать затем «аналитическую сборку» из многообразных и порой противоречивых оценок, чтобы транслировать их команде. Всякая неточность или неадекватная оценка ситуации обязательно всплывала в игре и жестко санкционировалась. Так что делать это приходилось или хорошо, или никак.

За время игр у меня ни разу не появлялось желания вернуться в психологию. Мир игры не вмещался ни в одну из двух дисциплин, которые я знала. Я убедилась на практике, что социология шире психологии. В одночасье вдруг осознала – знание психологии не мешает, а помогает мне существовать в социологии. Более того, можно оставаться психологом даже тогда, когда ты не ведешь лабораторные эксперименты. Был период, когда меня приглашали по старой памяти на работу в институт психологии, но я отказалась. Нельзя войти в одну реку дважды. Сегодня, когда я бываю в институтах психологии (маленьком и большом), вижу своих сокурсников, коллег, разговариваю с ними о профессии и жизни, то убеждаюсь, что мой выбор был правильным. Одновременно, я очень боюсь совсем оторваться от психологии, и поэтому с большим желанием оппонирую диссертации по психологической специальности, если мне выпадает такая возможность. Иногда я пишу статьи в психологические журналы, чтобы, встретив сокурсников, спросить: «А ты читал?», демонстрируя этим свое уважение к ним, и к своим учителям. Я очень горжусь тем, что, встретив Ларису Андреевну Петровскую, после прочтения моей первой книги: «Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности», вышедшей в 1997 году, услышала от нее: «Чем бы ты ни занималась, ты все равно остаешься психологом, и это хорошо видно из твоей книги». Ее уже нет в живых, но я до сих пор благодарна ей за эти слова.

В чем Вы видите это «оставание себя психологом»?

Как бы я не пыталась вписаться в социологию и как бы не избавлялась от излишней индивидуализации в понимании человеческого поведения, я все равно остаюсь психологом, владеющим языком социологии. Тот факт, что меня печатают психологические и социологические журналы, свидетельствует о том, что между этими двумя науками нет четкой грани. Я убеждена, отличие психолога от других гуманитарных специалистов состоит лишь в одном – психолог сначала пытается

понять мотивацию, а потом все остальное. Я так и осталась тем человеком, для которого понимание внутренней мотивации человеческих поступков и переживаний является самым главным. Парадоксально, но когда я хочу разобраться в сложном для себя процессе, я сначала перекодирую для себя ситуацию на психологический язык, и лишь позже стараюсь дать объяснение этой ситуации на социологическом языке. Хотя дело не только в этом. Меня саму иногда поражает эта живущая внутри меня постоянная готовность анализировать любые поведенческие проявления даже незнакомых мне людей, чтобы иметь материал для осмысления тех или иных поступков или движений их души. Иногда от этого очень устаешь. Но зато подобное умение очень помогает мне в процессе ведения интервью, когда я чувствую себя 100% психологом.

Вы входили в социологию в то время, когда в стране уже не велись споры о природе этой науки, когда социология начинала конституироваться. Кто из окружавших Вас социологов старшего или Вашего поколения оказал на Вас наибольшее влияние? Какую отечественную и зарубежную литературу по социологии Вы тогда читали?

Когда я в 90-х годах оказалась в социологии, то входила в нее медленно с большими оглядками. Люди, работающие в социологии, представлялись мне менее сложными и более идеологизированными, чем психологи. Мне потребовалось достаточно много времени, чтобы разобраться в том, что это за сообщество. Первое мое знакомство с миром социологов состоялось до того, как я пришла работать в институт социологии. Где-то в году 1985 мы с моим коллегой Гамлетом Мкртчяном, по его просьбе, сделали совместную статью о профессиональных ориентациях молодежи. Исследование провел он, без моего участия, но статью для такого солидного журнала писать не решался. К тому же он не совсем хорошо владел русским языком. Посмотрев результаты его исследования, я была поражена тому, насколько они интересны. Мне было жаль, что они могут так никогда и не увидеть свет. Написав статью, мы отправили ее в журнал «Социологические исследования». Через некоторое время нас пригласил к себе Геннадий Батыгин, он был тогда заместителем главного редактора и сказал, что статья ему понравилась. Я тогда не знала, кто такой Геннадий Батыгин, но он мне показался умным и понимающим человеком. Несмотря на то, что Харчев, по своим мотивам попытался притормозить выход статьи в свет, Батыгин настоял на том, чтобы она была напечатана. Так я узнала первого социолога, который к тому же оказался весьма интеллигентным и обя-

зательным человеком. В 1986 году докторскую диссертацию в институте социологии защищал мой начальник из института Москвы Сергей Железко, я присутствовала на защите, и мне показалось, что сообщество социологов не так уж сильно отличается от психологов. Вел защиту Леонид Леонидович Рыбаковский и делал это захватывающе интересно. С защиты я вышла в твердом убеждении, что вполне могу понять социологов. Поэтому, когда в 1987 году С.Н. Железко предложил мне перейти на работу в новый сектор в Институт социологии, то я согласилась без колебаний.

Наш сектор работал достаточно обособленно от всех остальных сотрудников, но как-то к нам в комнату на 4 этаже пришел В.А. Ядов, который стал тогда директором института социологии, сменив на этом посту В.Н. Иванова. Это было в конце 80-х. До этого я видела Ядова по телевизору и была поражена тому, как раскованно он вел себя перед телевизионными камерами, не считаясь ни с какими иерархиями. Я тогда с интересом отвечала на поставленные мне вопросы, наблюдая за его реакциями. В конце разговора мой диагноз его личности был готов: талантливый человек, необыкновенно тонкий и неуправляемый, сензитивный, всегда готовый к непредсказуемым поворотам мысли и чувств. При этом достаточно рациональный, знающий себе цену, и умеющий настоять на своем. Рациональность и эмоциональность в нем являли собой удивительный симбиоз. Передо мной тогда сидел человек, явно мало уважающий формальные позиции и умеющий мгновенно расположить к себе собеседника. Сегодня, не исключено, я бы уточнила свою оценку, но в принципиальном видении психологической структуры Ядова я тогда была права – это был уникальный человек, который не стремился к власти и признавал общение на равных. В те годы это было редким достоинством, тем более у начальника. Я была не против, работать рядом с таким талантливым человеком, который к тому же, не допекал меня дурацкими распоряжениями и ежедневными проверками дисциплины. Иначе говоря, позволял делать то, что хочется. Будь тогда во главе института другой человек, я не знаю, как бы сложилась моя дальнейшая профессиональная судьба.

Оставшись работать в институте, я стала ходить на общие конференции и семинары, где знакомилась с новыми для меня профессионалами. Читать литературу по социологии я стала несколько позднее, начав с Вебера и Бурдьё. Потом мне стало интересно, о чем спорят социологи на своих заседаниях, и я с удовольствием стала знакомиться с работами В. Ядова по самоидентификации, диспозиционной структуре личности, методах исследования. Эти работы были мне ближе как психологу.

Постепенно я втянулась в чтение социологических журналов, и мир социологов для меня стал расширяться. Со временем я начала чувствовать себя в нем более уверенно, однако и сегодня я не могу сказать определенно, что знаю социологию так же хорошо, как психологию.

Изучение элиты – новое для российской социологии направление, раньше слово элита использовалось в связи с анализом западных теорий общества и западной социальной стратификации. Когда эта тема начала разрабатываться в России, и кто был в ряду первых?

Бы правы, элитистская концепция долго не приживалась в России. В советском общественном сознании беспощадной критике подвергались концепции элит как идеологическое выражение господства крупного капитала. Элитистские концепции считались предшественниками расистских, фашистских идеологий. Несмотря на столь серьезное обвинение, понятие не только не исчезло из употребления, но оказалось весьма востребованным в политологии, социологии, психологии.

Первые попытки по осмыслению элиты вне рамок «разоблачения» были предприняты Г. Ашиным, Ф. Бурлацким, А. Галкиным, П. Гуревичем и др.

Разработка категории элиты в российских исследованиях стартовала в начале 1990-х годов (если не считать работ Г. Ашина, опубликованных значительно раньше) и получила наиболее выраженное развитие в середине 1990-х годов, когда стало очевидным, что проблема формирования новой постсоветской политической элиты приобрела общесоциологический статус.

В эти годы, по определению одного из самых известных российских специалистов в области элитологии Г.К. Ашина, сформировалась «российская школа элитологии» [3], [4], [5].

Характер трансформации советской элиты в «новую», и дальнейшее становление российской элиты были подвергнуты серьезному анализу в работах: М. Афанасьева, Г. Ашина, А. Галкина, О. Гаман-Голутвиной, В. Гельмана, Л. Дробизевой, Н. Ершовой, Ю. Красина, О. Крыштановской, И. Киселева, Н. Лапиной, А. Магомедова, В. Мохова, Е. Охотского, А. Понеделкова, Е. Шестопаля и др.

Внимание к элитной проблематике не было случайным. Элиты явились главными субъектами политической трансформации в современной России. Для многих российских ученых анализ деятельности элит стал главной темой в изучении политических процессов в постсоветском обществе.

Следует также учитывать и тот идейный фон, на котором происходило освоение нового теоретического багажа. Общественная

трансформация в России сопровождалась отказом от прежних идейных схем. Марксизм как метод анализа был отброшен большинством российских обществоведов, а элитистская система взглядов на общество, в котором существует деление на массу и элиту, помогла преодолеть доминирование «идеологизированной формы эгалитаризма». В начале 90-х годов победа элитизма в российской общественной науке казалась безусловной. Но уже тогда возникли вопросы, связанные с возможностью перенесения элитистских теорий на российскую почву.

Внутренним мотивом заимствования данного термина из западной элитистской теории в российскую науку стало стремление понять, какие группы общества способны создать новые модели развития и устройства общества. Причем не просто создать, но и убедить значимые группы общества и население в необходимости и возможности подобной модернизации.

Нельзя исключать и другого – концепции элитизма появилась в общественных науках как потребность легитимизировать действующие властные группы в обществе, предложив для этого категориальный аппарат западной элитологии.

Трудно не согласиться с известными российскими социологами Л.Д. Гудковым Б.В. Дубинным и Ю.А. Левадой, что одной из причин обращения к проблематике элиты в постсоветской время стал «хронический дефицит оснований авторитетности бюрократии, дезориентированность значительной части ее среднего и высшего состава и необходимость смены оснований легитимности» [6].

Таким образом, в конце 90-х – начале 2000 гг. число исследователей элит значительно расширилось, прежде всего, за счет тех социологов, которые обратились к этой теме на региональном уровне. Назову их имена: А. Дахин (Н. Новгород), О. Подвинцев (Пермь), А. Дука (Санкт-Петербург), К. Киселев (Екатеринбург), Авдонин (Рязань), Д. Сельцер (Тамбов) и др.

Что произошло в понимании природы российской элиты в последние годы, по каким критериям сегодня вычленяется эта группа в составе населения страны? Как менялась российская элита? Каковы основные типологии именно российской элиты? Какова в целом ее численность?

Существовали позиционный и репутационный подходы. Они позволяли изучать элиты, не пересматривая вопроса о том, могут ли элиты в реальности претендовать на элитные позиции в обществе. Элита до сих пор остается не проясненной до конца категорией ни в науке, ни в обыденном толковании.

В 2000-х годах российское общество и исследователи все чаще стали задумываться о том, соответствуют ли «назначен-

ные» элиты своему статусу, способны ли они выполнять свои элитные функции в обществе, какие цели и задачи ставит перед элитами современное общество и насколько элиты способны ответить на возникающие вызовы?

На фоне попыток осмыслить возможные ответы на поставленные вопросы дискуссия о толковании термина элита не только не затихла, но и вступила в новую фазу. Некоторые исследователи, сторонники меритократического подхода все настойчивее требуют заменить термин элита, распространенный в социологии и политологии, на категорию «квази-элита» или эрзац-элита (Л. Гудков, Ж. Тощенко и др.), подчеркивая тем самым, что элита, существующая в российской действительности, не может претендовать на то, чтобы соответствовать своему элитному статусу.

Другие исследователи, отвергая меритократический подход, предлагают расширить границы российской элиты, как, например, М. Афанасьев, и включить в ее состав представителей среднего класса, что позволит раздвинуть границу элиты и ввести за счет этого в элитологию понятие «элиты развития».

За последние 10–15 лет, на мой взгляд, существенных количественных изменений в численности российской элиты не произошло. Однако структурные изменения налицо. Прежде всего, в составе российской элиты власти возросла доля силовиков, а в законодательную власть всех уровней хлынул бизнес. В результате в региональных парламентах сегодня заседает до 80–85% представителей бизнеса, которые всего несколько лет назад и не помышляли о карьере законодателя. Таким образом, из законодательной власти практически исчезли врачи и учителя, а на их смену за небольшим исключением пришли директора предприятий и бизнесмены. В состав элиты стремительно ворвалась руководящая верхушка «партии власти», что, однако, не увеличило численности элиты, так как «партийная верхушка» просто пересела из одних элитных кресел в другие. Какими типами представлена сегодня российская элита? Как и прежде, традиционно в состав элиты входят наиболее влиятельные представители федеральной и региональной власти, лидеры федерального и регионального бизнеса. В эмпирических исследованиях принято различать элиту федеральную и региональную, если речь идет о власти. Некоторые из исследователей считают целесообразным говорить о местной элите бизнеса и о крупных бизнесменах, возглавляющих компании федерального уровня в регионах, как об элите бизнеса. Иногда в элитную группу включаются субъекты, не занимающие статусных позиций во власти, но способные влиять на процесс принятия ключевых решений.

Потенциал влияния региональных элит за время путинского правления существенно упал, однако говорить о том, что они полностью лишились своих экономических и политических ресурсов, вряд ли правомерно. Федеральная же элита, напротив, выстроив вертикаль власти, усилила свое влияние. Симптоматично, что рекрутация губернаторского корпуса в последнее время происходит из числа федеральных чиновников, в то время как региональные претенденты все более и более отодвигаются на второй план. В последнее время стремительно набирает потенциал влияния партийная элита, в лице партии власти. Поэтому сегодня можно уже говорить о партийной элите, чего не было еще 5–7 лет назад. Некоторые из исследователей настаивают на необходимости включать в состав элиты «творческую интеллигенцию», которую иногда обозначают как культурную элиту. Однако до сих пор мне не известно ни одной системной работы, в которой бы вскрывался потенциал влияния этой группы в общенациональном или региональном масштабах.

Количественные оценки состава элиты в очень сильной степени зависят от системы критериев, по которым определяется эта группа, но пока консенсусная модель таких критериев не выработана. Мне не известно ни одного серьезного исследования, где бы была предпринята попытка дать количественную оценку властной или бизнес-элиты. Некоторые из источников, которым я не очень доверяю, сообщают о том, что общая численность элиты составляет от 0,1 до 0,5% от населения страны, другие говорят о том, что «*элита их области может поместиться в одном большом зале*».

В конце 90-х я участвовал в подготовке сборника по постсоветской элите, выпущенного Университетом штата Мичиган [7]. Тогда, естественно, в составе элиты было много «красных директоров» и бывших крупных партийных работников. Ясно, что за десять лет много изменилось, но все же, какое место в региональной элите они занимают сейчас?

Сегодня в составе элиты красные директора остаются, но их примерно в 3–4 раза меньше, чем раньше. Это обусловлено тем, что чаще всего они, как правило, возглавляют государственные унитарные предприятия, которые находятся, в большинстве своем, не в очень хорошем материальном положении. Их места фактически заняли представители частного бизнеса, а также директора системообразующих компаний – лидеры отрасли, предприятия, пополняющие налоговую базу области или топ-менеджеры этих компаний. Определенное место в законодательных собраниях сегодня занимают также ректора

крупных вузов или университетов, расположенных в областных столицах. Например, в Пермской областной думе заседает одна женщина-депутат – ректор Медицинской академии, а в Тамбове – в областную думу избран ректор Тамбовского государственного университета и др. Попадание ректорского корпуса в законодательную власть может происходить как на основе репутационного потенциала, так и потому, что многие из руководителей крупных вузов имеют весьма значительное бюджетное финансирование, что естественно делает их заметными фигурами в региональном масштабе. Число представителей элиты с партийным коммунистическим прошлым в составе исполнительной и законодательной власти неуклонно падает, так как из ее состава постепенно выбывают люди после 60 лет. Сегодня, по разным оценкам, в составе региональной элиты присутствует не более 25-30% от общего состава представителей элит, которые в советское время имели руководящие должности в партии.

Кто такие «новые русские»? Какую часть российской элиты охватывает этот термин?

Термин «новые русские» возник в России в начале 90-х годов. В эту страту попадали люди, которые в результате непрозрачной приватизации отхватили себе куски собственности, что позволило им стремительно увеличить уровень своих доходов. Следствием этого явилось резкое, иногда демонстративное изменение их образа жизни и стандартов потребления. В обыденном сознании термин «новые русские» имеет скорее отрицательный оттенок, и указывает чаще всего на несправедливо захваченные народные деньги. Сегодня этот термин уже не распространен так широко, хотя бы потому, что бизнес в глазах населения имеет уже не столь негативный имидж, как 10–15 лет назад. Вопрос о доле «новых русских» вновь вызывает у меня затруднение из-за отсутствия единых критериев.

Сейчас в выступлениях руководителей страны, в российской прессе много говорится о коррупции. Обнаруживали ли Вы в своих исследованиях элиты это явление, каким образом сама элита – безусловно причастная к коррупции – реагирует на нее?

Я никогда не изучала феномен коррупции в системах региональной власти. Думаю, что метод исследования, которым я пользуюсь, не позволяет мне это делать в принципе. Если только ты не хочешь получить ложь, обернутую в красивый фантик. Трудно дожидаться правды о коррупции от чиновников, которые сидят в своих кабинетах и делают все возможное, чтобы доказать, что столь отвратительное явление не может от-

носиться к ним лично. Мне не раз приходилось разговаривать с руководителями потенциально-коррупционных структур в органах власти, но ни разу они не были открытвенны со мной. На вопрос, почему они не хотят рассказать правды, ответ был коротким – мы не самоубийцы. Многим из них я верю, когда они настаивают на том, что далеко не все российские чиновники подвержены коррупции. Но все же убеждена – механизм запуска коррупции находится на высших этажах губернаторской и мэрской власти. Не исключено, что это не самые высокие этажи, но данное явление не получило бы такого распространения, если бы сверху не было негласного разрешения на распространение подобных практик. Отсюда вывод: следует не просто усиливать внешний контроль за деятельностью чиновников, в том числе контроль общества, о котором сегодня говорят многие, но и «вживлять» в институты власти иную субкультуру, согласно которой подобное поведение чиновников нормируется не извне, а изнутри профессионального сообщества. Но только не с помощью механизма доносительства друг на друга.

Не могли бы Вы в самых общих чертах описать типы образа жизни, стиля жизни региональной элиты?

Я против того, чтобы заниматься подобными исследованиями в принципе. Убеждена – у каждого человека, в том числе у элиты, личная жизнь должна оставаться закрытым островом. Особенности стиля жизни элиты в последние годы становятся все более закрытой темой. Если раньше, до 2004 года, когда губернаторы участвовали в предвыборной борьбе, можно было встретить публикации, в которых рассказывалось, как жена – спутник жизни помогает мужу переживать трудности руководства, как хорошо она воспитывает детей, как хорошо образована, то сегодня, когда на смену выборов пришла модель назначения, необходимость в подобном пиаре просто отпала. До сих пор иногда можно встретить сообщения в региональной прессе, о том, что жена местного олигарха открыла тот или иной фонд, помогает сиротам, талантам, артистам, художникам, но это скорее стремление добиться лояльности со стороны населения, чем желание рассказать о своем образе жизни. Процесс закрытия элиты от населения сопровождается строительством все более крепких межэлитных перегородок. Теперь каждая из групп элит старается общаться между собой, не выходя за границы собственной элитной группы. Партийные сети в известном смысле смягчают межэлитные барьеры, но вряд ли это распространяется на личную жизнь. Из интервью мне известно, что у некоторых представителей элит семьи живут за границей, чтобы обезопасить себя от возможной агрессии со

стороны заинтересованных лиц. Но таких случаев не так много. В жизни многих представителей элит присутствуют хобби. Однако это типичное хобби состоятельных и занятых людей, как правило, направленное на поддержание своего здоровья или релакс, нередко это коллекционирование картин или книг, иногда это экстремальные виды спорта. Могу напомнить о хобби одной женщины-руководителя из областной администрации, которое меня удивило, – это охота с фоторужьем. Как мне кажется, это хобби как нельзя лучше иллюстрирует психологические особенности женщины-руководителя во власти, – нападение возможно, но исключительно символическое.

Когда Вы защитили докторскую диссертацию, чему она была посвящена, каков общий итог этого исследования?

Я защищала диссертацию в 2003 году в институте социологии РАН. Она называлась «Политическая элита в российских регионах: власть и политические институты». Несмотря на то, что в институте меня хорошо знали, я серьезно рисковала, выходя на защиту с такой темой. В институте было лишь три человека, которые в этой теме разбирались хорошо: это Александр Галкин, Юрий Красин, Леокадия Дробижева. Передо мной стояла непростая задача – быть убедительной для ученых, которые обладали интуитивным, а не научным знанием относительно ситуации в российских регионах. Мне это удалось, голосование было единодушным, хотя достичь такого результата не удавалось никому в течение последних двух лет. Я до сих пор горжусь тем, что ни к кому не подстраивалась, а честно шла за научными результатами. Мои выводы были достаточно жесткими. В положениях, выносимых на защиту, было сформулировано восемь обобщений. Не останавливаясь на каждом, сформулирую лишь два из них, чтобы показать направление исследований и теоретических посылок, предлагаемых в диссертации:

1) Работающей моделью, позволяющей описать политическое устройство власти в регионах, является модель корпоративно-бюрократической полиархии, понимаемой в своем широком «системном» смысле. Аргументом в пользу именно данной модели служат процессы, происходящие сегодня в представительных органах власти: вымывание социальной страты депутатов, нарастание доли крупного бизнеса в законодательных собраниях. Это происходит на фоне продолжающейся иерархизации отношений власти и бизнеса, что усиливает аргументацию в пользу того, что корпоративно-бюрократическая полиархия на уровне регионов приобретает все более явные очертания.

2) Сохраняется стремление губернаторов контролировать политическое пространство в регионах, несмотря на запрет со стороны федерального центра на политическое доминирование. При этом высокая асимметрия формальных и неформальных практик сохраняется не только в управлении политической ситуацией, но и в формировании региональной бюрократии, во взаимодействии с бизнесом. Однако сегодня модель явного доминирования неформальных практик в управлении региональными процессами сменяется на модель «двойного действия», при которой формальные и неформальные практики сосуществуют одновременно и дополняют друг друга. Непрозрачность и динамичность неформальных правил, действующих внутри региональных администраций, оказались мощным стабилизатором ее внутренних процессов, стали достойной защитой при попытках ее административного передела, в том числе фигурами, пришедшими во власть «на новой волне». Эти же свойства помогают региональной власти до сих пор быстро концентрировать ресурсы на наиболее эффективных по ее критериям направлениях.

После защиты диссертации прошло уже около семи лет, но я до сих пор не согласилась бы исправить ни одно утверждение, которое в те годы казалось мне ключевым.

Нет ли у Вас желания отойти от изучения региональной элиты, заняться чем-то иным?

Я никогда не была жестко привязана к теме региональных элит. Я занималась помимо изучения элиты исследованием социальной политики в регионах, немало сил и времени потратила на изучение российского здравоохранения и образования. В результате появился ряд монографий, написанных мною совместно с моими коллегами-экономистами и социологами [8], [9], [10], [11]. Большое количество времени я отдала смежным научным исследованиям, где изучала взаимодействие власти и бизнеса в ходе реализации социальной политики и др. Однако как бы я не пыталась отойти от изучения элитных групп, судьба вновь и вновь возвращала меня к актерам власти или бизнеса. Мое хорошее знание субъектного поля региональной политики всегда очень помогало мне при реализации любого проекта. Сегодня у меня есть возможность включиться в проект по изучению инициатив местных сообществ по развитию инфраструктурных и социальных новаций в муниципальных поселениях. Казалось бы это новая тема, но реализовать ее можно только в том случае, если рассмотреть особенности взаимодействия местной власти с инициативными группами населения, выстроить модели взаимодействия местной власти с

властью региональной. Поэтому, как бы я не бежала от темы региональных элит, она вновь и вновь возвращается ко мне во множестве вариаций. Видимо это закономерно, нельзя уйти от того, чему отдал часть своих профессиональных и эмоциональных усилий, что стало частью твоей профессиональной жизни.

В «Человек и его работа» Андрей Здравомыслов и Владимир Ядов в качестве одного из индикаторов удовлетворенности трудом использовали вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети имели ту же профессию, что и Вы?». Они были в ту пору слишком молоды, чтобы задумываться о профессии их собственных детей. Однако так вышло, что они стали социологами. Выше Вы говорили о 5-ти летнем сыне, сейчас он уже скорее всего определился со своей профессией. В этом плане он не пошел по Вашим стопам?

Моему сыну в декабре 2009 г. исполнилось 23 года. Он закончил факультет изящных искусств Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в 20 лет и получил степень бакалавра. По окончании университета ему вдруг стало ясно, что он не хочет быть искусствоведем. Хотя в искусстве он разбирается неплохо. Особенно его интересует кино. Он обладает хорошим аналитическим умом, но пока так и не нашел себя. В настоящее время он учится в аспирантуре Института социологии РАН. Через год он должен защитить кандидатскую диссертацию по социологии. Однако я не могу назвать его социологом. Для него диссертация – это ресурс для будущего карьерного роста. Он мечтает работать в крупной компании директором по развитию персонала. Я не знаю, сбудется ли его мечта, но уверена, что знакомство с социологией, как с общегуманитарной дисциплиной, ему никогда не помешает. Образование – это единственное наследство, которое стоит оставлять своим детям...

Спасибо большое Алла, мне очень легко с Вами работать.

Литература

1. Чирикова А.Е. Взаимодействие власти и бизнеса в ходе реализации социальной политики. М.: Независимый институт социальной политики. 2007.
2. Здравомыслов А.Г. Социология как жизненное кредо // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 6. С. 9–15; См. настоящую книгу, Т. 2. С. 50-88.
3. Ашин Г.К. Современная буржуазная социология (критический очерк идеалистических теорий о роли народных масс и личности в истории). – М.: Высшая школа, 1965.

4. Ашин Г.К. Миф об элите и массовом обществе. – М.: Международные отношения, 1966.
5. Ашин Г.К. Современные теории элиты. Критический очерк. – М.: Международные отношения, 1985.
6. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблема «элиты» в современной России. М.: Фонд «Либеральная миссия» ГУ-ВШЭ, 2007.
7. The New Elite in Post-Communist Eastern Europe // Edited by V. Shlapentokh, Ch. Vanderpool, and B. Doktorov. Texas A&M University Press, 1999.
8. Шишкин С., Чернец В., Чирикова А. и др. Неформальные платежи в медицине. М.: МОНФ, 2003.
9. Шишкин С., Чернец В., Чирикова А. и др. Высшее образование в России: правила и реальность. М.: Независимый институт социальной политики, 2004.
10. Шишкин С., Чернец В., Чирикова А. и др. Российское здравоохранение: оплата за наличный расчет. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2004.
11. Шишкин С., А. Темницкий В., Чирикова А. и др. Российское здравоохранение: мотивация врачей и общественная доступность., М.: Независимый институт социальной политики. 2008.